

Евгений
ДОЛМАТОВИЧ

г. Ярославль

ОКЕАН ВНУТРИ МЕНЯ

рассказ

*Для одного одиночество есть бегство больного;
для другого одиночество есть бегство от больных.*

Фридрих Ницше

— Валим!

Это явно запоздалое, пронизанное тревогой слово разорвало повисшую было пугающую тишину, и уже через мгновение переулочек опустел. Остались лишь скользкие вдоль стен, безучастные ко всему тени, да откуда-то из глубин здания ритмичными приглушёнными толчками доносилась музыка. Люди там, внутри, наверняка были окутаны затхлым теплом; они заказывали спиртное, дымили сигаретами и перебрасывались ничего не значащими фразами. Они скучали, избегали смотреть друг на друга, рассеянно думали о чём-то своём...

А потом вновь заскрипел снег и где-то совсем рядом прозвучал грубый мужской голос:

— Глянь-ка, кому-то уже хорошо!

В ответ громко загоготала женщина, и сразу же за этим послышался характерный звук брызжущей струи.

— Эй, дружище, ты там как, живой?

— Да забей на него, — смачно рыгнув, пробормотала женщина. — Встряхивай уже, и пойдём. А этот пусть дрыхнет. Авось пальцы отморожит, оттяпают всё к ядрёной матери, так хоть пить меньше будет. Бухарь распроклятый!

Они ушли...

Эхо их шагов выпорхнуло из переулочка, растаяв в искрящемся серебре зимней ночи, а внизу живота медленно растекался парализующий холод. Александр поднял руку — ладонь была перепачкана в крови. Вздохнув, он откинул голову и посмотрел в темноту неба. Кружащийся в воздухе снег поблескивал в свете единственного уличного фонаря, мягкими хлопьями опускался на лицо...

Внезапно сделалось очень тихо.

Александр закрыл глаза и улыбнулся. В последние мгновения своей жизни он слышал, как где-то далеко-далеко шумит океан.

* * *

Проржавевшая грязно-белого цвета «шестёрка» резко вырулила вправо и носом зарылась в сугроб.

— Чуть в **** мне не въехал, дилетант хренов! — выругался Сергей, озабоченно поглядывая в зеркало заднего вида. — Водить бы научился, урод!

— Может, он как раз таки умеет? — пожал плечами Александр, наблюдая за тем, как «шестёрка» пытается выбраться обратно на дорогу. — Очередной безбашенный чудо-гонщик, не иначе.

— Да дерьма он кусок.

— А разве одно мешает другому?

Сергей явно не оценил шутки: он злобно скопился на друга, а затем, дождавшись нужного сигнала светофора, свернул с главной дороги. Впереди разноцветными огнями замаячил безразмерный павильон торгового центра.

— Здравствуйте, понаехали, — ворчал Сергей, выискивая место, куда бы пристроить машину. — Ты только посмотри, ведь вся стоянка занята!

— Вечно жрущая страна — вечно голодна, — прокомментировал Александр. — Прямо как у Рождественского:

*Шагайте в диалектику,
закапывайтесь в мистике,
пускай кричит философ,
догадкой озарён...
Леди и товарищи,
граждане и мистеры,
стройте ваше будущее!
Мы и его сожрём...*

— Куда больше-то жрать? — вставил Сергей. — И так кругом одни кафе, бары да магазины. И сутками напролёт в них кто-нибудь штаны просяживает или же ходит-бродит туда-сюда, при этом не переставая работать челюстями.

— А всё потому, мой друг, что обилие магазинов не решает проблемы. Народ-то привык испытывать нужду — если не сказать: жить без нужды не может! — отсюда и вечное недовольство. Чем угодно — правительством, зарплатой, погодой, другими странами и так далее. Вот сейчас обыватели закупают курятины с марконами да пару литров пиваса на десерт и помчатся домой, к дивану, организовывать очередную революцию во имя всех голодающих и обделённых. Не иначе как в своём скудном воображении организовывать...

— Хрена лысого, не будет никакой революции, — огрызнулся Сергей. — Мясо мы бестолковое: мясом были, мясом и останемся. А нужда — это лишь извечное оправдание слабаков.

— Да угомонись ты, — примирительно сказал

Александр, — я ж так, дурачусь. Будет революция или не будет — мне глубоко фиолетово.

— Оно и видно. Вот ответь, Сань: ты на выборы хоть раз в жизни ходил?

Александр тяжело вздохнул, уставился на быстро сгущающиеся за окном сумерки. Пить сегодня ну никак не хотелось. Выкурил бы несколько сигарет, прослушал пару-тройку песенок из «Наутилуса» или «ДДТ», посидел бы над пустым листом и... всё? С другой стороны... праздник друга всё равно праздник. Даже столь сомнительный...

Удручал ещё и тот факт, что с позиции нравственности — или, правильнее сказать, того, что принято называть нравственностью, — подобные мысли лучше не озвучивать.

— Ну?

— Не-е... Оно мне надо?

— Если что, судьба твоей страны зависит от этого, — назидательно произнёс Сергей. — У вас в части замполит вообще чем занимается?

— Так бухает, — пожал плечами Александр. — Чем ещё ему там заниматься?

Сергей хохотнул.

— А если серьёзно, не моя эта страна, — продолжал Александр. — То, что мне довелось здесь родиться, ещё не делает её моей.

— Как это не делает? Ты её гражданин!

— Именно! Я её гражданин, но она не моя страна. Понимаешь? Да и за фактор случайности — ну, или последствия этого пресловутого «эффекта бабочки» — я не в ответе.

— Что ещё, к чёрту, за бабочка? Та, что ли, которая по ночам на дорогах ляжи обнажает?

Сергей наконец-то выбрал место для парковки и теперь старался не зацепить стоящий поблизости ярко-красный «хаммер».

— Да не, при чём здесь это?

— Ну а что тогда?

— Смотри, вот ты выбирал страну, в которой тебе рождаться? Может, эпоху, когда удобней появиться на свет? А родителей выбирал? Вот и я не выбирал ни страну, ни эпоху, ни тем более родителей. У нас никто ничего не спрашивал, просто вот так оно всё совпало. Собственно, вся наша жизнь — это либо череда случайностей, либо же сложнейшая причинно-следственная связь, которой нам не понять вовек. Отсюда вопрос: с какой стати я должен переживать за то, что

станется с матушкой-Россией? Мне нет до этого никакого дела, так как родиться в матушке-России не было моим сознательным выбором. А слепой патриотизм, как и всё прочее слепое — кроме если только самой слепоты как отсутствия зрения, — я считаю той ещё дурью.

— Чёт как-то сложно ты выражаешься.

— Ладно, скажем так: я больше чем уверен, что все эти выборы, игра в демократию, движения «за» и «против», митинги, собрания, дебаты и прочее — всё это не что иное, как обыкновенный балаган. Натуральная ярмарка лицедейства — в лучших традициях Теккерея или Хаксли. А впрочем, здесь даже лицедейства не требуется: красивые картинки по ящику и строго прописанные в Конституции — ну или в Библии! — разграничения хорошего с плохим прекрасно делают свое дело. Обыватель живёт и в ус не дует, уверенный, что навязанные ему мнения и принципы — суть чужие мысли — абсолютно правильны. При таком раскладе самому думать и правда не обязательно, ведь за тебя давно уже всё решили, разжевали и в рот положили. Осталось лишь задуть в зародыше все сомнения, ну и, естественно, примкнуть к толпе таких же обывателей. Маршируя, гордо кричать: «За Родину, за Сталина!» или же «Хайль Гитлер!», «Аллаху акбар!»... Кстати, к вопросу о национализме. Это ведь очень плохо, да? А если взять фонд помощи детям, страдающим от рака? Хорошо? Но при этом всем глубоко плевать, что большинство из нас люто ненавидит заполонивших наши города хачей, то есть на бытовой национализм мы попросту не обращаем внимания. Наверное, как и на то, что рак составляет лишь пять процентов от всех смертей по стране; да и дети как умирали без лекарств, так и продолжают умирать. Главное — видимость, самовнушение, широкий жест. А частности — они никому не нужны.

— Ты мне сейчас втираешь какую-то чушь, — нахмурился Сергей. — При чём здесь всё это? Тебя послушать, так вообще ничего делать не надо — улёгся мордой в подушку и лежишь себе.

— Почему же? Надо! Но только когда...

— В общем, понятно всё, — отмахнулся Сергей. — Давай-ка, Сань, тему сменим, а? У меня ж всё-таки сын родился.

— Конечно, Серёг, извини...

По той причине, что жена Сергея находилась в

роддоме, а сам он на это время обосновался у родителей и потому не появлялся у себя в квартире чуть больше недели, закупка вышла основательной. Александр тягал загруженную всевозможными продуктами тележку, стараясь ни на кого не наехать, в то время как Сергей переходил от одной полки к другой, сосредоточенно изучая этикетки на баночках с детским питанием.

— Ни шиша в этом не смысли, — бурчал он.

Стоявшие невдалеке женщины украдкой наблюдали за ним и тайно улыбались; часы неумолимо тикали, медленно перегоняя вечер в ночь. В помещении же густился терпкий запах пота.

— Аркаша-то когда объявится?

— Так уже должен был.

— Передам ему эту телегу, — усмехнулся Александр. — Раз он водила — пускай рулит.

— Ага, он тот ещё водила, — задумчиво ответил Сергей.

Долговязый Аркадий подошёл к ним минут пятнадцать спустя и, сунув руки в карманы измятых брюк, невозмутимо встал в стороне от тележки.

— Ты не стесняйся, не стесняйся, — принялся подначивать его Александр. — Она тут не просто так припаркована. Тебя, родимая, дожидается. Глянь, какая. Ух! Зверь, а не машина!

— Я лучше как-нибудь на своей, — парировал Аркадий.

— А чем тебе эта не нравится? Столько ног уже отдавила!

Глаза Аркадия хмуро сверкнули из-под кустистых, сросшихся над переносицей бровей: Александра он презирал, терпя его выходки и насмешки лишь потому, что тот был давнишним приятелем Сергея. Но в большей степени он хмурился оттого, что ожидал увидеть в тележке три-четыре бутылочки коньяка да закуску. Точно не всё... это!

— Ты как, по-прежнему служишь? — спросил он некоторое время спустя.

— Ага, чего ж ещё остается? — пожал плечами Александр.

— Так это... Ты ж, ***, поэт! — язвительно хохотнул Аркадий, почесывая прыщ на лбу. — Целый Пушкин! Сочиняй там что-нибудь. Книжку издай, бест-сел-лер, ***!

Сергей озабоченно скосился в их сторону.

— Поэт — это тот, кто стихи пишет, — поправил Александр. — Я к таковым никакого отношения не имею. Я, если так можно выразиться, прозаик. Так что даже на «ха-ха» не тянет, плосковато.

— Нормально, — улыбнулся Сергей. — Нам в школе училка втирала, что Пушкин писал стихи. А как твоя фамилия? Правильно! Так что зубы-то нам не заговаривай, дружище, ничего мы не путаем.

Александр давно уже свыкся с подобными шутками — ещё в детдоме он порядком натерпелся из-за своей фамилии, — потому лишь пожал плечами, хмыкнул:

— Серёг, там, какхись, твою тележку угнали.

— Я тебе дам — угнали!

— Нет, а серьёзно, — никак не мог угомониться Аркадий, — если служить влом, увольняйся. Вон бизнесом займись, денегат подними. Смотри: я от армии откосил — и ничего. Тачку себе взял, хату имею.

— И, естественно, жизнь твоя удалась? — сардонически поинтересовался Александр.

— Ну, типа того. Баблишко капает, бед не знаю. Осталось себе тёлочку подыскать хорошую — такую, чтоб любовь там, все дела...

— Тёлочку, говоришь? Ну да, понятно. Любовь — она ведь нынче эквивалентна состоятельности, успешности, правильности в глазах общества. Тождественные понятия, я бы сказал. Правда, в основном для женщин. И то они со временем почему-то разочаровываются.

— Да-а, — раздражённо отмахнулся Аркадий. — Значит, не любовь то была, если разочаровываются. Так — фигня фуфлыжная.

— Но время, силы и нервы уже потрачены. Да и как сразу-то определить, фигня оно фуфлыжная или не фигня? Тёлочку, кстати, искать где собрался — на рынке или в фирменном бутике?

Аркадий зло глянул на Александра, открыл рот, закрыл его, снова открыл... Но сдаваться явно не собирался.

— Вот скажи, Санёк, у тебя девушка есть, а? — с вызовом спросил он.

— На кой чёрт она мне сдалась?

Аркадий удивлённо заморгал:

— Как так?

— Ну, с сексом у меня особых проблем нет — бары с пьяными бабами всегда под рукой. А за-

чем мне отношения, если я заранее знаю, что ничего хорошего из этого не выйдет?

— Не можешь ты этого знать заранее.

— Отчего же? Могу. Смотри, ты ведь бизнес открыл зачем? Чтoб деньжата были, верно?

— Ну?

— И полагаю, ты имеешь хоть какое-то представление, на что будешь эти деньжата тратить, так?

— На что захочу, на то и буду.

— Именно! А на что не захочешь, на то не будешь, — улыбнулся Александр. — К примеру, зачем тебе мольберт с красками, если ты ничего не рисуешь и в дальнейшем этим заниматься не планируешь.

— Чтo-то типа того, — недоумевал Аркадий.

— Так вот, у меня с отношениями примерно так же. Я не вижу в них какой-либо необходимости, потому что семья для меня не является жизненно важным приоритетом. Собственно, я вообще в семье не верю.

— Не-е, Сань, это ты зря, — вставил Сергей. — Семья — вещь хорошая, нужная. Без семьи никак.

— Это для тебя, а для Аркаши, к примеру, главное — это бизнес, успех, финансовая состоятельность.

— Ну а чё, это плохо, что ли? — возмутился Аркадий.

— Почему же? Это просто другие приоритеты. У Серёги — одни, у тебя — другие, у меня — третьи.

— У тебя какие-то неправильные приоритеты, — сказал Аркадий.

— Это для тебя они неправильные, а для меня — единственно возможные. В силу того, что я такой человек.

— Неправильный, — на пару хохотнули Аркадий с Сергеем.

— Лишь с позиции общества, — вздохнул Александр. — А общество редко когда бывает право. Чаще оно лишь принимает идею какого-нибудь полубезумного одиночки, который шёл к этой идее годами и которого все эти годы то самое общество старательно высмеивало. Но давай вернемся к отношениям: если они мне не нужны, то какой смысл ввязываться во всё это? Даже если, потворствуя обществу, я и смогу симулировать интерес к отношениям, это всё равно будет попытка. И не только

для меня. Так рано или поздно женщина, живущая со мной, разочаруется: любить-то я всё равно не умею. Я это прекрасно понимаю и принимаю. Даже больше — это меня вполне устраивает. Я не хочу тратить время и силы и портить кому-то жизнь исключительно ради того, чтоб убедиться в том, что мне и так уже известно. Как ни крути, а нежелание иметь семью не делает меня моральным уродом. Видишь ли, Аркаша, моральное уродство — это не когда ты отказываешься жениться на ком-то и растить детей, но когда старательно толкаешь и пинаешь свои отношения, уверенный, что живущей с тобой бабе они жизненно необходимы. Последнее есть не только моральное уродство, но ещё и обыкновенная глупость, трусость. Ты ссышься признать себе, что ты эгоист и плевать хотел на человека, с которым живёшь. А дурак ты потому, что думаешь, будто делаешь всё это ради неё или во имя вашего с ней распрекрасного будущего. Как по мне, так это чушь собачья! И я уж точно не могу назвать моральным уродом человека, который признаёт свои, так сказать, проблемы и не считает нужным поганить кому-то жизнь, переваливая эти проблемы на него. А вот теперь ответь мне, пожалуйста: ты когда бабу в клубе снимаешь, что ты ей говоришь, как ведёшь себя?

— Хм, смотря чё за баба, — замылся Аркадий. — По-разному веду.

— Но можешь ли ты честно сказать, что, распустив хвост и выпятив грудь, расхаживая туда-сюда перед выбранной тобою барышней, словно надувшийся индюк, ты абсолютно искренен с ней? Всегда ли «девочка на ночь» точно знает, в каком именно статусе она ложится к тебе в койку? И, в свою очередь, не делает ли такое поведение уже тебя моральным уродом? Просто, насколько помню, совсем недавно ты тут из себя альфа-самца корчил...

— Эй, философы-моралисты, завязывайте языками трепать! — вмешался Сергей. — У меня два дня назад сынишка родился, а вы чепухой маетесь. Давайте лучше определимся, что мы сегодня будем пить!

При слове «пить» все трое довольно заулыбались.

* * *

Ищутаясь, Александр брёл сквозь разыгравшуюся метель. Просёлочная дорога была пустынна, а возвышающиеся по правую руку девятиэтажки утопали в искрящейся темноте. Слева неприступной стеной тянулся лес. Ветер протяжно завывал, швыряя в лицо снежную пыль и норовя забраться под куртку. Перед глазами же всё плыло — весь этот непонятный и неприятный чёрно-белый мир, мир, полный иллюзий и безделушек, лживых слов и пустых обещаний. Изредка мимо проносились автомобили. Во мраке салона сонные водители бросали безразличные взгляды на одинокую фигуру, тут же отворачивались и навсегда забывали о ней.

Ловить машину Александр даже не пытался. То и дело сплёвывая кровавую слюну, он останавливался и зачарованно поглядывал по сторонам — всюду одна лишь перемешанная со снегом монокромная тьма. Колени давно уже онемели от холода, да и скула не так болела...

— *****! *****! — выдохнул Александр.

Тут он споткнулся и упал. Перевернувшись на спину, несколько минут лежал, глядя в пугающую бесконечность ночного неба, ощущая, как от мороза сковывает между лопаток и вдоль позвоночника. В какой-то момент осознал, что засыпает. Сладкой пеленой дрема обволокла его измученный разум, веки сделались тяжёлыми, стало тепло, даже по-своему уютно...

...И где-то вдали зашумел океан. Александр представил, как сбрасывает отсыревшие ботинки и ступает на прохладный песок. Он ещё не видит океана, но ощущает запах соли, слышит многовековой зов волн. Где-то совсем близко! Осталось только взобраться на вершину дюны, и тогда взгляду его откроется божественный вид... И если в этот момент кто-нибудь будет рядом — спутница, которая понимает величие и трагичность этой минуты: дочь, а может, возлюбленная, — то он непременно скажет ей: «Вслушайся же! Слышишь? Мой друг приветствует нас. Он ждал меня все эти годы, звал меня!» Но пока что океана не видно... Ещё чуть-чуть, каких-то пару шагов и...

Александр открыл глаза и поёжился; в голове неприятно шумело. Вдалеке словно в проступившем на мгновение параллельном мире тоскливо сверкнули фары.

Ещё пара минут — и точно бы замёрз. Уснул, а утром бы нашли, сказали, мол, упился вусмерть и подох, как собака бездомная. Был никем, никем и остался. Ни толковой работы, ни жены, ни детей, ни-че-го...

Он с трудом поднялся на ноги и принялся стряхивать с себя снег. Надавил пальцем на скулу и с облегчением испытал глухую боль.

— А ведь не хотел сегодня бухать.

В памяти вдруг отчётливо проступил осуждающий взгляд Сергея...

— Ну и чё за дурдом ты устроил? — спросил Сергей. — Сань, да что с тобой не так?! У меня сын родился, а вы — друзья мои! — нажрались в соплину и решили морды друг дружке расквасить?

Аркадий стоял неподалеку и волком глядел на Александра.

— Языком своим поганым пусть меньше треплет, — буркнул Александр. — Не я к нему полез с выкриками «говно детдомовское».

Мутные глаза Аркадия заблестели.

— Говно и есть говно, — вставил он, облокотившись о стену.

Александр сжал кулаки и сделал шаг вперёд.

— Эй-эй! — преградил ему дорогу Сергей. — Остынь.

Он развернулся и посмотрел на Аркадия:

— А ты чего Рэмбо из себя корчишь?

— Потому что он не прав.

— Это в чём же? — поинтересовался Александр, стирая кровь с губы. — В чём я, по-твоему, не прав?

— Да ты по жизни не прав! — вдруг заорал Аркадий. — Ну, чё у тебя есть, гений ты наш, — чё?! Да ни*** у тебя нету! Ты никто и звать тебя никак! Ты хоть чё-нибудь в этой жизни добился, а? Служивый! Писака *****!

— А ты чего добился?

— У меня хата есть, тачка есть! Я бабло поднимаю!

— И что? Если у тебя есть хата и тачка, стало быть, твоя жизнь удалась и ты сформировался как личность? То есть пора тебе уже и помирать, верно? Всё равно сделать что-то большее ты попросту не способен. Я уж не говорю о чём-то грандиозном. Собственно, ассимилятор ты, потребитель, убожество...

— Да ты хоть это сделай!

— Взять машину в кредит и квартиру в ипотеку — ага, тоже мне подвиг.

— ***** своё поганое завали!

Александр рванулся вперед, но тут же был сбит с ног мощным ударом Сергея.

— Да-а... Не зря, дружище, ты боксом занимался, — пробормотал Александр, пытаясь подняться; в голове шумело, а перед глазами всё плыло и вертелось.

Сергей с сомнением глянул на друга, потёр кулак:

— Сань, лучше ляг, проспись. Завтра по трезваку всё обсудите. Не надо мне тут квартиру громить. Я вас не для того сюда звал.

— Не переживай, не тронем мы твою квартиру, — успокоил его Александр. — Я вообще лучше в гостиницу вернусь.

— Куда?! Какая, к чёрту, гостиница! — возмутился Сергей. — Ты хоть видел, что на улице происходит?

— Да пусть катится, — сказал Аркадий. — На кой*** он тут нужен?

— ***, заткнись ты уже наконец! — сорвался Сергей...

Александр отогнал дурные воспоминания, попрыгал в карманах и достал измятую пачку, закурил, с наслаждением вдыхая обжигающий лёгкие дым. Снег и темнота, темнота и снег — ничего более. Казалось, весь мир представлял собой одну сплошную перемешанную со снегом темноту.

И уже через два дня закончится отпуск. Нужно будет возвращаться. Обрато в прокуренные комнатухи, к лоснящимся, несущим на себе печать явного вырождения мордам. К их недоумевающим взглядам. Таким же, как взгляд этого Аркаши, и — что самое печальное — к таким же, как взгляд Сергея. Либо глумливая насмешка над юридическим, либо наигранное сострадание. Непринятие чужой — отличающейся от общепринятой — точки зрения всегда выражалось подобными взглядами. И ничего-то не изменится — ни сегодня, ни завтра, никогда. Солдаты всё так же будут шагать по плацу, командир — орать благим матом из своего кабинета, соседи по общежитию — водить толстых хохотливых баб, а потом, поздно ночью, вдрызг пьяные — выгонять их прочь. Ему же останется только пить или, сидя перед ноутбуком, в который раз перечитывать напи-

санное и гадать, как же продвинуться хоть на строчку дальше.

Вот как описать Океан, если ты никогда его не видел? Он снится тебе, он зовёт тебя, и ты знаешь, что там, на берегу, твой путь наконец будет окончен; там ты обретёшь долгожданный покой, проникнешься некой сакральной истиной. Там, где-то далеко-далеко, где нет людей, нет прущей, словно помои из лопнувшей трубы, повседневности, нет укоренившегося в крови окружающих потребительства, — всех этих пустых глаз и ничего не значащих слов, этих замшелых идей, этой плесневелой обывательской веры в нечто возвышенное. Любовь, Бог, семья, дружба — всё это давно уже сделалось разменной монетой; люди защищают эти понятия лишь потому, что знают: кроме этого, у них ничего и нет больше. Беда в том, что и для них всё это давно уже стало общепринятой нормой, так сказать, социально привитой правильностью. Но разве, утратив изначальную уникальность, это не становится всего лишь словами? Разве то не пустые звуки, которые не несут в себе вообще ничего? Разве штампуемая на конвейере святыня может оставаться святой? Наверное, отсюда и бредущая по миру потерянности, и извечный поиск чего-то, что уже никогда не найти. А Океан не такой. Он искренен, он не знает лицемерия, не ведает, что такое ложь. Он самобытен и самодостаточен — квинтэссенция чего-то древнего и возвышенного, отрешенного от мирской суеты. Чего-то совершенного.

Океан... Его вполне можно было бы назвать домом...

Александр вышел на пустынное шоссе, поёжился и посмотрел на мост через реку, дальний конец которого тонул в снежной пелене, столь плотной, что даже огни набережной не в состоянии были пробиться сквозь неё. И невольно складывалось впечатление, будто бы мост уводил в никуда.

— Не-е, — пробормотал Александр, — отныне не существует другого берега, с его домами, улицами, гостиницами и вокзалами... Я поднимусь на мост, и передо мной во всём своём великолепии развернется вечность. Каких-то пару шагов сквозь ревуший буран, и всё — я сумею вырваться из этого мира, окажусь где-то там... там, куда способны проникнуть одни только мысли и грёзы...

Он вздрогнул, когда мимо, громко сигнала,

пронеслась иномарка. Въехав на мост, она во мгновение ока растворилась в снежной дымке. Доли секунды он ещё мог наблюдать тусклое мерцание габаритных огней, а потом не стало ничего. Мир вокруг вновь превратился в тёмно-серое бельмо, не иначе как на глазу самого Господа...

Закурив, Александр неторопливо пошёл к мосту. Резкий порыв холодного ветра ударил в лицо, вырвал из губ сигарету и утащил её с собой. Сплюнув, Александр облокотился на поручни и улыбнулся; через мгновение он разразился громким лающим смехом...

Когда приступ прошёл, отдышавшись и вытерев слёзы, он крикнул: «Чему смеялся я сейчас... во сне?!» И умолк. Он не смог вспомнить стихотворение Китса целиком, а потому, раздосадованный, прошептал лишь те строки, что ещё пока стояли перед глазами:

...Тогда спросил я сердце человецье:

*Ты, бьющееся, мой вопрос услышь, —
Чему смеялся я? В ответ — ни звука.
Тьма, тьма кругом. И бесконечна мука.
Молчат и Бог, и ад. И ты молчишь...*

Тут болезненная судорога скрутила желудок, и Александра обильно стошнило. Тяжело дыша и отплёвываясь от горькой слизи, он отошёл в сторону и облокотился о фонарный столб. Подобрал немного чистого снега, положил в рот.

«Что ж, Серёге я теперь ничего не должен», — горько усмехнулся он, наблюдая за поднимающимся от блевотины паром.

Постояв так какое-то время, он вновь стал различать в жалобном завывании выюги шёпот далёких волн; понял, что опять засыпает. Тряхнув головой и пару раз хлопнув себя по щекам, неторопливо пошёл по мосту. И с каждым новым шагом ему казалось, что вот сейчас уже он сумеет заглянуть в лицо вечности, сможет прикоснуться к ней, но — увы! — она всё отдалялась и отдалялась...

* * *

Вечером следующего дня Александр сидел у себя в номере и под усыпляющее бормотание Шевчука в плеере в который раз перечитывал свою незаконченную книгу.

Билеты были взяты на утро, а из части уже звонили и интересовались, как и что, и, дескать, вся служба ждалась его возвращения. Днём ранее он наведалься в комендатуру, где проставил печати об отбытии в отпускном. Всё оставшееся время проторчал в гостинице, не желая никуда выходить и ни с кем встречаться. За окном свистел ветер, гудели машины. В соседнем номере бубнил телевизор. Ссадины на лице, честно заработанные в драке с Аркадием, покрылись коркой; воспоминания же о том вечере были рваными и отдавали тупой ноющей болью в груди. О том, кто прав, а кто виноват в случившемся, Александр старался не думать.

Какое-то время он усталым взглядом бродил по строчкам в мониторе, после застучал по клавишам:

«Знаешь, дорога к Океану — она личная для каждого, такая, какой ты её представляешь, какой желаешь её видеть. Там нет других людей, только если ты не захочешь этого; нет машин, нет городов и магазинов, телевидения и интернета, даже воспоминаний нет. Прошрое остаётся далеко позади; отныне его попросту не существует. Оно было — отрицать это бессмысленно! — ведь благодаря своему прошлому ты и очутился на этой дороге, почувствовал, что что-то не так — не с тобой, а с этим миром. Но тащить прошлое за собой ни в коем случае нельзя. Это смертельно опасно! Ведь прошлое, оно как тряпина, — засасывает, топит, пока ты окончательно не захлебнёшься, превратившись в очередного разочарованного в жизни, но все ещё дышащего покойника. Прошрое надо уметь оставлять. И под этим я подразумеваю, что надо уметь оставлять людей и города, слова, которые некогда что-то значили и которые нынче не значат ровным счётом ничего. Надо оставлять родных, если с ними тебя не связывает ничего, кроме кровных уз. Надо оставлять любовь, если любовь эта не согласна разделить с тобой дорогу, к которой так стремится твоя душа. Способен ли ты на такое? Сумеешь ли? Ведь тряпина эта, по сути, является ещё и безопасностью — привычной, ноющей, размеренной и скучной до чёртиков безопасностью. Безопасностью, которая не требует ни мысли, ни действия. Безопасностью пустого существования. И вот ты давишься ею, отплёвываешься, за-

дыхаешься, но при этом продолжаешь цепляться за неё, всюду тащишь её с собой. Так ты становишься той древней змеей, что кусает себя за хвост. Увы, это давно уже не символ бесконечности, нет. Теперь ты — змея обыденности. А змея обыденности — она же очередной круг христианского ада: самый страшный, тот, в который ты загоняешь себя при жизни. Увы, просветление, если оно когда-либо и наступит, придёт много позже, в глубокой старости. Поверь, ничего, кроме разочарования, оно не принесёт. Так что не сиди на месте. Двигайся! Двигайся же!

А там, на этой дороге, тебя ждут ветер и голубое небо, солнечные лучи и уводящие к горизонту поля густой золотистой ржи. Само это путешествие уже есть великое чудо — благо! — даруемое жизнью. И глупо было бы отказываться от такого, не считаешь? Глупо было бы запираить себя в четырёх стенах, даже если стены эти из золота, как и в темнице временных удовольствий, мнимых радостей и надуманного комфорта. Если что-то тревожит тебя, значит, ты не безнадёжен — твоя душа всё ещё рвётся на волю, жаждет спастись. И поверь, шагнув на эту дорогу, ты почувствуешь себя гораздо легче. А ведь это всего лишь дорога, еще не Океан. Но какая дорога! Так неужели ты не хочешь сорваться с насиженного места, оставить плесень повседневности — все свои страхи и неуверенность — и сделать этот первый шаг? Просто чтобы убедиться, увидеть! Вспомни великие слова, что дорогу осилит идущий. Да — это верно. Она действительно возникает под стопами, но лишь тогда, когда ты ступаешь. Так сделай же шаг — дай себе шанс, в конце концов! Попытайся!

И, быть может, очень скоро ты во всей полноте прочувствуешь его могущество, его искренность; поймешь, что он совсем рядом. Океан!

Океан.

Океан...»

Вздохнув, Александр покачал головой и стёр всё написанное — слова казались пустыми, лживыми, неправильными; они не передавали того, что творилось в душе.

Тогда он поднялся с кресла и прошёлся по комнате. Минуту спустя, усевшись на подоконник и приоткрыв форточку, закурил, равнодушно глядя на холодные сумерки по ту сторону стекла. Пос-

тепленно город наполнялся огнями, в желудке противно ныло, болела спина. Перед глазами же вновь и вновь вставал океан — такой, каким видел его на фотографиях и во всевозможных передачах, такой, каким представлял его в мечтах.

Но где-то в глубине души Александр понимал, что, скорее всего, книга никогда не будет дописана. А даже если и будет, станут ли её читать? Поймут ли его? Услышат ли то, что он пытался сказать?..

Трель мобильного нарушила ход его мыслей. Глянув на дисплей, он нахмурился.

— Слушаю.

— Ты у себя? — поинтересовался Сергей.

— Смотря где это — у себя.

— В гостинице?

— Ага.

— Когда уезжаешь, завтра?

— Ну да. Отпуск закончился, армия меня уже жаждалась. Сегодня даже позвонить соизволила, родимая...

— Спустись в вестибюль, я через пару минут подъеду.

Александр надолго замолчал.

— Сань, — позвал Сергей. — Нам бы объяснить не помешало, друзья всё же.

— Твоя правда — друзья... Ладно, сейчас подойду.

Он сбросил вызов и безразличным взглядом уставился в окно. Только теперь до его сознания стали доходить слова песни Шевчука:

Мама, разбуди чёрным вечером,

Мама, чтоб я ночь не проспал.

Мама, я уйду, как намечено.

Мама, мама, мама, как я устал...

Александр вздрогнул и выключил ноутбук.

* * *

Полчаса спустя они сидели за стойкой в ближайшем от гостиницы баре, курили и настороженно поглядывали друг на друга. В воздухе витал густой табачный дым, официантка казалась сильно уставшей, а компания пьяных парней за столиком в углу то и дело раздражалась бурным хохотом. Всё это явно нервировало Сергея: он ёрзал на стуле, то и дело посматривал на часы.

Александр глотнул пенистого пива из большой кружки, задумчиво постучал пальцами по гладкой поверхности стойки и сказал:

— Знаешь, Серёг, пару месяцев назад произошёл у нас в части один случай: лейтехи наши, Лёлик и Болик, отправились в город воздухом подышать. В общем, припёрли они от туда двух малолеток. Девки на лицо, конечно, кривоватые были, но — ничего не скажу — фигуристые. Бухие, правда, вусмерть...

— И что?

— Так вот, припёрли они, значит, этих девок к себе в комнату. Ну, те, понятно, любопытные, смелые, крикливые — всё-то им интересно. Короче, через десять минут весь этаж уже знал об их присутствии. Мало-помалу остальные мужики стали подтягиваться — так, посидеть, выпить, поболтать. Решил и я заглянуть. Захожу и вижу следующую картину: красавицы эти развалились на кроватях, улыбаются, выделываются, а помимо них в комнате ещё порядка восьми человек. Тут уже и пиво откуда-то нарисовалось, бутылку водки надыбали. А у служивых наших улыбки масляные, в глазах огонь, в штанах... ну-у, не важно. Понял, надеюсь.

Сергей зевнул:

— Понял, не дурак.

Компания за столиком в углу вновь расхохоталась. Проходящая мимо официантка испуганно отпрянула, на что ей заплетающимся языком кто-то из них прокричал:

— Э-эй, дев-шка! Да вы это... не уходите! Оста-айтесь!

— И чего охрана этих обезьян не выставит? — проворчал Сергей.

Александр удивлённо уставился на него:

— Ты чего же, боишься их, что ли? Или это в тебе спящая доселе классовость вдруг взыграла? Охрана к ним только что подходила, видать, ты не заметил. Обменялись рукопожатиями, похлопали друг друга по плечу и разошлись. От охранников тут мало толку, а гопота эта как сидела, так и будет сидеть. Сам знаешь.

— Знаю, — скривился Сергей, украдкой глянув на часы. — Ну давай, рассказывай дальше, чего там с этими бабами стало.

— Звали их, кстати, Алина и Кристина. Блондинка, конечно же, крашенная, и шатенка. В общем, то ли в силу выпитого, то ли по природе

собственной глупости, барышни эти явно не догоняли, в какой прескверной ситуации оказались и что с ними планируют делать. Бесились себе, как дети малые, спорили, в шутку дрались, смеялись и прочими возможными и невозможными способами куролесили. А народ-то наш военный всё больше и больше распаялся. Массовая уголовка маячила на горизонте. Ну а для девчушек — поломанная жизнь и всё такое.

— И?

— И увёл я под каким-то предлогом Кристину в коридор — она из этих двоих вроде как посмекалистей была. Увёл, значит, и спрашиваю, мол, родная, ты трахаться любишь?

Сергей улыбнулся и покачал головой:

— Ты не исправим, Сань.

— Да погоди ты, — отмахнулся Александр, — дай доскажу! Кристина эта, в свою очередь, на меня глазищи выгаращила и только головой мотает. Видимо, наконец-то дошло, чего от неё на самом деле добиваются. Печально, говорю я на это, так как ребятки в комнате старый добрый секс очень-преочень даже обожают, нынче же они наверняка строят планы на вас, голубушки. И, сдаётся мне, если вы быстренько не уберётесь прочь, то трахаться вам этой ночью предстоит много, долго и с разными партнёрами.

— Хм...

— Ну-у, она перепугалась, естественно, стоит, смотрит на меня, а глаза на мокром месте уже. Короче, вызвал я такси, а ей велел под благовидным предлогом подругу из комнаты выманить, пока мужики очередную бутылку уговаривали.

— Взял да весь кайф парням обломал, — хохотнул Сергей.

— М-да, — тяжело вздохнул Александр, посмотрев на заполненную бычками пепельницу. — Обломал... Знаешь, весь абсурд до меня уже после дошёл. Ребятки, конечно, такого жеста с моей стороны не оценили: им важно было девок поймать да довольными спать завалиться, а что там дальше — гори оно всё, как говорится, синим пламенем. Не удивлюсь, если легендарная фраза маркизы де Помпадур давно уже сделалась жизненным принципом многих из них. Но штука даже не в этом, а в том, что пару недель спустя лейтехи наши вновь поволоклись в какой-то клуб, где встретили тех же барышень. Закончилось всё пьяной случкой в зассанной подворотне, а наутро

менты заявили — обвинение в изнасиловании.

— Круто, — присвистнул Сергей.

— Да нет, глупо. Я, кстати, так и остался * среди сослуживцев. Зато в который раз убедился, что большинство людей ничему не учится. Ничему, понимаешь? Хорошо, если собственные ошибки натолкнут их на кой-какие светлые мысли, но, как показывает практика, случается такое крайне редко.

Александр надолго замолчал, равнодушно наблюдая за парочкой, сидящей за столиком у окна. Девушка, высокая и стройная, с длинными кудрявыми волосами, курила ментоловую сигарету и натянута улыбалась словам своего соседа. Было видно, что ей невыносимо скучно. Но уходить она почему-то не спешила. Парень между тем всеми силами старался её развеселить, и лишь изредка в его глазах проскальзывала тоска...

Сергей почесал затылок.

— И на кой хрен ты мне это рассказал?

— Да так... — пожал плечами Александр. — Пытался дать понять, что сожалею о том, что произошло у тебя на квартире. Ты прав, Серёга, то был твой праздник, и я не должен был так себя вести. Моя ошибка ещё и в том, что таким, как Аркаша, доказать всё равно ничего нельзя. Они уверены в своей правоте, их не переубедить. Да и стоит ли? Потребительство — оно нынче страшнее религиозного фанатизма. В любом случае если ты живёшь, убеждённый, что машина и квартира есть вершина жизненных благ, то почему бы и нет? Ведь в итоге разве каждый не сам придумывает уникальный для себя смысл жизни, верно? Для кого-то это деньги и карьера, для других вот... семья, дружба, мир во всем мире. Ну а для меня таким смыслом стал Океан.

Он отхлебнул из кружки, затушил сигарету и тут же потянулся за новой.

— Просто, понимаешь, когда Аркаша принял-ся вдруг всучивать мне этот свой смысл, выступать, какой он весь из себя правильный, у меня конкретно крышу сорвало. Я же подобное чуть ли не каждый день слышу: правильные всегда рвутся учить неправильных, как тем жить. А ведь ещё Владимир Буковский в свое время сказал: «Всё что угодно, только не смейте навязывать мне чужих идей». Особенно это важно тогда, когда навязывающий сам пусть и негласно, но признает, что идеи его не блещут оригиналь-

ностью, а кроме них у него и нет ничего больше.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что не верю я во всё это. Подобная маниакальная убежденность чаще всего есть не что иное, как плохо скрываемый страх. Страх внутренней пустоты, Серёга. Страх, что без какой-либо самой никудышной идейки или убежденности у тебя ничего и не останется вовсе. Вот и цепляются люди всяк за что горазд. Одни — за Бога или демократию, другие — за машины с квартирами, третьи — за любовь, но... Серёг, покажи мне хоть одного счастливого человека. Оглянись вокруг, вспомни всех, кого ты встречал, — да кого угодно! — и скажи, что вот он счастлив. Сможешь ты такое сделать?

— Я счастлив, — сказал Сергей.

— Возможно, — хмыкнул Александр. — Или же тебе просто хочется в это верить. Никогда не думал об этом?

— О чём именно?

— О самовнушении. Я ведь тебе такой вопрос неспроста задал: мне почти каждый так отвечает, кроме тех, пожалуй, у кого вообще всё плохо. Но правда в том, что счастье — это мгновение. А мы упорно пытаемся растянуть его на целую жизнь. Когда же это не получается, начинаются те самые самовнушения. Ну-у... либо разочарования. Потому люди и бухают, впадают в депрессию, нередко сводят счёты с жизнью. И им невдомёк, что быть априори счастливым попросту нельзя. Счастье — это что-то вроде поощрения на пути от одной цели к другой. Как ни крути, Серёг, а ты не выглядишь счастливым, хотя совсем недавно стал отцом. И Аркаша не выглядит счастливым, хотя у него есть столь желанные квартира и машина. На самом деле я ещё ни разу не встречал такое вот продолжительное счастье. Только если у безумцев. А так... в лучшем случае, что я видел, так это смирение, глубокую душевную умиротворенность от проделанной работы. Это ещё не счастье, но оно гораздо ближе к счастью, нежели все эти улыбочки, модный ныне позитив и всевозможные пафосные заявления.

— Ты не прав сейчас, Сань, — покачал головой Сергей.

— Может, и так, — согласился Александр. — Даже хорошо, если так. Очень хорошо. Потому что лучше, чтоб я был не прав, чем чтобы целый мир оказался несчастлив и даже толком не понимал

этого. Кстати, знаешь, в чьих глазах я видел эту самую душевную умиротворенность?

— Ну?

— В глазах Жака-Ива Кусто, когда смотрел его фильмы.

— Понятно, — вздохнул Сергей. — А теперь, Сань, ты мне ответь: вот чем ты отличаешься от всех нас? С чего вдруг тебе в голову взбрело, что твоя правда лучше моей или того же Аркаши?

— Так я об этом и не говорил. Серёг, я не знаю, чья правда лучше или хуже. Догадываюсь только, что к истине ни та, ни другая не имеют ровным счётом никакого отношения. Единственное, чего я хотел, так это чтоб меня не учили жизни те, чья правда для меня неприемлема. Разве это так сложно? Ведь каждый имеет право на свои заблуждения, как и на собственный путь.

— Лично мне твой путь непонятен. А для Аркаши, судя по всему, он и вовсе дикостью отдаёт.

— И за это меня надо сжечь на костре, да? — улыбнулся Александр.

— Нет, почему же? — развел руками Сергей. — Сжигать тебя никто не собирается. Но... мне вот кажется, что ты сам быстрее себя сожжешь...

В этот момент их внимание привлек новый взрыв смеха: один из парней за столиком в углу, глумливо улыбаясь и с трудом удерживаясь на ногах, подошел к парочке — той, которую минутой ранее рассматривал Александр, — и, вольготно усевшись рядом с девушкой, попытался обнять. Её спутник смущённо наблюдал за происходящим — он нервно курил, но не вмешивался. «Давай, Костян!» — весело гоготала компания.

— Руки убери! — рявкнула девушка.

— А то что? — нагло спросил Костян и попытался дотронуться до её груди.

— Вот же урод, — выдохнул Сергей и отвернулся.

— Так пойд и врежь ему, — сказал Александр. — Врежь так, чтоб в будущем он по сторонам оглядывался — мало ли чего. Ты трезв, рефлексы и реакция в норме, плюс боксом занимался и удар держать умеешь. А ещё — что самое главное — у тебя есть точная уверенность в собственной правоте. Это и будет жест — поступок во имя справедливости, то, что отделяет живого человека от обывателя.

Сергей нахмурился.

— Их там пятеро.

— Ну и? Раньше тебя подобное не смущало.
— Пускай охрана этим занимается, ну или... в крайнем случае её ухажер.

Александр посмотрел на явно ступшевавшегося спутника девушки.

— Он ничего не сделает, Серёга. Ты знаешь это не хуже меня. Его дело — сторона. Он изначально занял такую позицию, а потому будет старательно сохранять нейтралитет. По факту, ему просто страшно.

— Да, именно.

— А тебе разве нет? Бояться не грех. Всем бывает страшно.

— Я не боюсь! Просто глупо лезть на рожон.

— И поэтому ты держишься в стороне, да? Это лучше? Это, по-твоему, правильно?

— Разве нет?

— Нет, — сказал Александр. — А если вспомнить, как ты недавно отчитывал меня за то, что я не голосую на выборах, не принимаю участия в жизни своей страны, то есть не пытаюсь что-то изменить к лучшему, то... В общем, слышать от тебя подобные заявления вдвойне странно.

Сергей угрюмо промолчал.

Девушка же поднялась и, оттолкнув наглеца, быстро двинулась к скучающим у входа охранникам. Те с равнодушным выражением на осунувшихся лицах выслушали её, покивали и нехотя направились к тому столику. С довольной улыбкой на лице Костян вернулся к своим приятелям. А спутник девушки всё так же курил, отстраненно глядя куда-то в пол; руки его едва заметно подрагивали.

— Этот вечер он не забудет, — пробормотал Александр. — Очень надеюсь на это.

— Слушай, а почему бы тебе не съездить к океану? — решил сменить тему Сергей. — Ты ж так о нём мечтаешь. Купи билет да езжай. Вам же там, в армейке, не так уж и мало платят. На недельный отпуск вполне наскрести сможешь.

Александр долго ничего не отвечал. Он допил пиво и, чиркнув колесиком зажигалки, закурил. Выдохнув дым, какое-то время зачарованно наблюдал за его извивами.

— Потому что мне тоже страшно, — наконец сказал он.

— Не понимаю.

Он повернулся и в упор посмотрел на Сергея.

— Я боюсь, что Океан окажется не таким, ка-

ким я его себе представляю. Да, он есть у меня в душе... непокоренный, величественный. Он... понимаешь, Океан — это не просто скопление воды, это в первую очередь идея чистоты мира, некая возвышенная цель, даже мечта. Но я не уверен, что таким Океан сумел сохраниться в реальности. Вдруг они уже добрались туда. Все эти Аркаши и прочее отребье. Вдруг они уже там! Загадили пляжи, засрали воду, настроили кучу отелей, магазинов и аттракционов. Серёга, что если они усмирили левиафана, превратив его в очередное балаганное чудище?

— А разве это имеет какое-то значение? — зевнул Сергей.

— Для меня — огромное! — серьёзно проговорил Александр. — Так же, как для тебя — твоя семья.

— Это не одно и то же. Семья — это совсем другое, Сань. Это не какая-то там глупая мечта или идея. Это жизнь. Это счастье.

— Согласен, Серёг. Но это счастье для тебя и тебе подобных, а для кого-то счастье нечто совершенно иное. И тут всё решает, кого больше — нас или вас. Может, отчасти именно поэтому я такой один и я повсеместно не прав, а вас таких много, и вы всегда правы. Но... действительно ли вы счастливы в этой своей размеренной правоте — без грандиозных целей, без мечтаний, безо всякого риска и безумия? Впрочем, не отвечай. Я знаю, что ты скажешь. Так что просто смотри... Смотри и удивляйся моему, как ты наверняка решишь, безрассудству. Мы оба с тобой боимся, но природа нашего страха различается. Потому что тебе страшно за себя, а мне... уже нет.

Под недоумевающим взглядом Сергея он закурил сигарету, повернулся к бармену и, протянув измятую сторублевую купюру, заказал сто грамм водки.

— Ты чего это задумал? — всполошился Сергей.

— Ничего такого. Просто хочу сделать хоть что-то достойное.

При этих словах Александр залпом осушил стопку, после чего поднялся со стула и неторопливо пошёл к гогочущим парням.

— Дружище, можно тебя на пару слов, — обратился он к Костяну, поманив того пальцем.

— Э-э... Чё тебе?

Александр выбросил правую руку вперед и точным ударом сломал Костяну нос. Мигом поз-

же, схватив со стола стеклянную пепельницу, он с размаху двинул ею вскочившего слева парня, после чего запустил пепельницу в остальных. Развернувшись, бросился к выходу, при этом чуть не сбив с ног зазевавшуюся охрану.

В самый последний момент он остановился и окинул взглядом зал: Сергея уже и след простыл, компания же за столиком злобно гудела, с минуты на минуту готовая сорваться с насиженного места, словно стая голодных волков. Но самое главное, что он хотел увидеть, он увидел: взгляд паренька, чью девушку так бесцеремонно облапали. Глаза, в которых стыд граничил с восхищением.

«Когда-нибудь и ты решишься на нечто подобное», — подумал Александр, испытал при этом чувство, близкое к облегчению. С этим он выбежал прочь.

* * *

Сергей перехватил его у самого выхода и, вытолкнув в снежную ночь, быстро потащил в переулок, в дальнем конце которого была припаркована его машина.

— Ты чего творишь?! — заорал Сергей. — Вкопец умом тронулся?!

— Всё хорошо, — отмахнулся Александр. — Впервые. Всё. Хорошо...

Послышались гневные крики.

— Они нас сейчас догонят, вот тогда и вправду будет хорошо, — рявкнул Сергей.

Александр остановился и с плохо скрываемым состраданием посмотрел на друга.

— Так иди, а за меня не беспокойся. Я не пропаду.

— Кончай геройствовать, придурок! — заорал Сергей и... осёкся.

Компания парней влетела в переулок.

— О-от он, — прошипел Костян, вытирая с лица кровь. — Те-ерь уже никуда не денется. Слышь, ты, ого-орить бы надо. — Он посмотрел на Сергея и добавил: — А ты ро-аливай, если р-роблем не хочешь. К тебе у-еня ретензий нет.

При этих словах у Сергея глаза буквально на лоб полезли. Он глянул на Александра, затем на свою машину в дальнем конце переулка.

— Беги, — улыбнулся Александр. — У тебя жена,

сын, работа... Здесь ты мне уже не помощник. Здесь мне нужен другой Серёга, тот, с которым мы в юности чудили — спина к спине и всё такое. Тот Серёга, который знал, что порой надо лезть на рожон, надо безумствовать. Хотя бы для того, чтоб помнить, каково это — жить. Но, к сожалению, того парня больше нет... Я справлюсь.

У Сергея вздулись жилы на шее, на лбу же выступили крупные капли пота. Он вновь посмотрел на свой автомобиль.

Парни неторопливо приближались, в любой момент готовые сорваться с места и продолжить погоню.

— Ты щас серьёзно не прав, — проговорил Костян, сунув руку в карман джинсов. — Серьёзно...

— Твою-то мать! — выругался Сергей.

— Всё нормально, беги давай, — усмехнулся Александр и повернулся к надвигавшимся на них парням. — Эй, быдло тупорылое, я вам нужен, да? Ну так вот он я! Идите, побалакаем!

Он сжал кулаки, при этом услышав за спиной быстрый топот: Сергей убежал.

Костян одобрительно кивнул и вынул руку из кармана. В свете фонаря холодно блеснуло лезвие.

Вспомнив одно из своих любимых стихотворений Буковски, Александр прошептал:

*...тогда я с ревом восстану,
с криками, в гневе,
проклиная всех их и вселенную,
наблюдая, как они кинутся
врассыпную через лужайку.*

Не переставая улыбаться, он решительно двинулся на явно сбитых с толку парней.

*некоторые никогда не сходят с ума,
какие ужасные жизни
они проживают!*

И дальше совсем тихо:
— Океан внутри меня...

НА ОБОЧИНЕ ВЕЧНОСТИ

рассказ

На обочине вечности 23

*Пускай восходит день и меркнет тенью бледной.
Для нас, как краткий день зайдет за небосклон,
Настанет ночь одна и бесконечный сон.*

Гай Валерий Катулл

1 «Вечность»

Эту ночь я запомню именно как сонм беспорядочных видений и рваных образов, мчащихся сквозь мёрзлый декабрьский мрак по запорошенной свежевывавшим снегом трассе, в окружении безмолвных деревьев, вибрирующих на ветру линий высоковольтных передач и редких встречных автомобилей — суть ослепляющие вспышки света, расчерчивающие полотно изменчивой темноты. А ещё бутылка финской ментоловой водки призывно булькает на соседнем сиденье. Откуда-то спереди доносится сонное бормотание Яна, вперившего усталый взгляд в бесконечность дороги, да сентиментальные байки Володи — о фурах, о забугорных копах, о столь любимых им рейсах, о таинственной и недостижимой Норвегии с её фьордами, дыханием Заполярья и красной рыбой, о чем-то там ещё...

— Джонни, проснись.

Вынырнув из тревожного забытья, ёжусь, потираю глаза.

— Что, приехали уже?

— Да не-е, — отмахивается Володя. — Пойдём, кофейку хлебнём, согреемся.

Обернувшись, какое-то время смотрю на наш так называемый «груз», затем выбираюсь из фургона, киваю покуривающему в сторонке Яну и нехотя плетусь за Володей. Перед нами ярко освещённый бревенчатый дом. Не сразу понимаю, что это какая-то дешёвая забегаловка на обочине трассы — одна из многих, призванных радовать проголодавшихся либо же изнывающих без кружки горячего чая водителей.

Претенциозное название «Вечность» не вызывает никаких эмоций, только если язвительно-грустную усмешку. Вот она — вечность! Беспокорные всполохи света в шестидесятиваттных лампочках, пронизанные сквозняками волны тепла, тусклые улыбки

немолодых уже официанток да фаянсовые тарелки с комками разваренных макарон и водянистыми сосисками. Что ещё нужно посреди зимней ночи? Вокруг же лишь пара-тройка занесённых снегом машин, призрачный огонёк сигареты у самой кромки леса да странные люди, на лицах которых залегли глубокие тени, а в глазах — многолетняя усталость. Кто они, жители этого мистического часа, ведомые в неизвестное какими-то своими причинами? Что с ними случится — этими заблудшими детьми Вавилона? Миг — и они исчезнут, растворятся в вое разыгравшейся выюги, чтобы уже не встретиться мне никогда. Так или иначе, но я один из них. Впрочем, как и все мы...

Заходим внутрь кафе, и Володя уверенным шагом направляется к стойке. Он молча рассматривает выведенное кривым почерком меню, чешет затылок и роется в карманах.

— Чего тебе? — спрашивает меня.

— Так кофе... кофе...

Нам отводят столы в соседнем зале, где стены и потолок стилизованы под открытый космос — работа крайне посредственная, но, когда в окна заглядывает взвихренная пургой тьма, это чарует. Складывается впечатление, будто взаправду смотришь в лицо вечности, силишься что-то увидеть, разобрать, а может, и протянуть руку, крепко сжать и попробовать выхватить, выдернуть обратно в наш мир то утраченное, чего уже не вернуть. Увы, всё иллюзия — громкие тосты и жалостливые всхлипы, дурацкие ритуалы, в которых лицемерие тесно граничит с состраданием, а ещё череда воспоминаний. Как долго всё это продлится? В конечном счете всё равно ничего не останется. Человек жив, пока его помнят, но ведь рано или поздно уйдут все те, кто должен вспоминать. Есть ли до этого дело вечности? Хочется верить...

— О чём задумался?

Володя садится напротив меня, достаёт мобильник и кладёт рядом — к чему бы? Вряд ли кто-то станет звонить в четвертом часу утра, тем более сюда — в чарующе-прекрасную пустоту этого мгновения.

— Ни о чём, спать охота.

— Не продрог там?

Я поёживаюсь. Володя же улыбается, сверкает лысиной, попутно высматривая у меня за спиной официантку.

— Да задубел, если честно.

— Оно и понятно. Что взять-то с этого драндулета? Он американский, не обшитый — фуфло, а не машина. Ян сейчас там побродит, поищет картонку для радиатора, авось и теплее в салоне станет.

— Хорошо бы.

— Не дрейфь, всё пучком будет, — успокаивает меня Володя, после чего вынимает из-за пазуху бутылку финской водки — и когда только успел прихватить? — Давай, что ли, отведаем продукта? Штука, скажу тебе, просто шикарная! У нас такой не продают.

— У нас много чего не продают, — отзываюсь я.

В этот момент приносят кофе — небольшие кружечки с шоколадной густотой внутри. Также на блюдцах по пакетику сахара и по упаковке сливок. А ещё Володя заказал блинчики со сгущенкой и запеканку для Яна.

Раздобыв где-то пару стопок, Володя осторожно разливает «продукт».

— Ну что, Джонни, будем, — погрустнев, говорит он.

— Будем.

Не чокаясь, мы осушаем стопки. Водка приторно-сладкая, словно патока, и с сильным привкусом мяты. Но глотается мягко, после чего усыпляющей теплотой разливается в животе. Володя не обманул, продукт действительно хороший. Не то что наша бодяга — убойный микс из тошноты и головной боли. Но сейчас — в этом сюрреалистическом месте, где-то на задворках вечности, у самого порога обители Танатоса, я бы выпил всё что угодно. Лишь бы не думать, не вспоминать о промёрзлом фургоне и о том, что покоится в его недрах. Нынешним зяблым утром, с первыми лучами бледного зимнего солнца мы уже будем в столице. Нас встретят люди, дороги и машины, клубы пара и многочисленная реклама на стендах, хрустящий снег под подошвами ботинок и витрины, витрины, витрины... А ещё очереди, регистрация, физиономии работников, столь же безучастные ко всему, как и то единственное лицо, якобы любящее, всепрощающее... — лицо, которое на иконах. От это-

го же мига не останется и следа. Кафе затеряется в хитросплетении трасс, среди дремучего спящего леса и запредельно густой темноты. А ближе к вечеру, когда всё уже будет кончено, Ян высадит нас где-нибудь на углу улицы и навсегда исчезнет из наших жизней. Так или иначе, но для него это всего-навсего работа... Володя пойдет домой — к жене и дочке. Поцелует их, съест заботливо приготовленный ужин и, быть может, уляжется спать, а то и засядет смотреть телевизор. Исполненная дань уважения, краткий взмах рукой на прощание — нечего больше делать. И через неделю-другую он отправится в очередной рейс — Санкт-Петербург, Финляндия, Норвегия...

А что ждёт меня? Мама. Её заплаканное лицо и трясущиеся руки, её скрежещущая боль и выматывающее чувство вины... Скопище фотографий, ворохи ненужной одежды, подрагивающий во мраке огонёк восковой свечи... Однажды и это пройдёт — свыкнется, забудется: маленький дар вечности нам, неугомным созданиям, так не желающим мириться с уставленным порядком вещей.

Но всё это случится позже, много-много позже... Пока же есть только кафе, кружки с быстрорастворимым кофе, ментоловая водка и скользкие вдоль стен люди-тени. А ещё фургон, в салоне которого пахнет табачным дымом и ароматизатором — этакий импровизированный ладан повседневности. Прикурив, я на некоторое время задержу крохотный огонёк зажигалки — всполох тусклого света, отблеск чьей-то жизни на окраинах равнодушной ко всему вселенной, а то и церковная свечка, выполненная из пластика и с фирменной надписью «Cricket» на боку. Такой символизм удручает, но это лучшее, что мы имеем в данную минуту, как и во все прочие минуты, часы, месяцы и годы — со времён сотворения мира и до нынешних дней. Нет, вспоминая...

2

Грёзы Вавилона

И размышляя об этой библейской легенде, я никак не желаю соглашаться с её интерпретацией. Мне понятна суть навя-

зываемой религией морали и якобы заложенного в самом наказании смысла, но также я обнаруживаю и некую скрытую метафоричность описанных в 11-й главе событий. Вавилон, в переводе с аккадского «врата бога», недостижимый и оттого не менее захватывающий рубеж, преступив который можно было сравняться с самим божеством. Да, сделаться равным ему, но только сплотившись, став единым целым во имя осуществления поставленной цели. Что и вознамерились совершить люди из книги Бытия. Точно так же, как того некогда жаждали Адам с Евой, вкусив запретного плода и обретя знания о добре и зле, а ещё — о собственной смертности. Это было одно из немногих отличий суетного человечества от усталых и не в меру вездесущих богов; отличие, что мы сумели постичь — может, именно оно и не давало нам покоя? объединило нас? зародило идею равноправия? Мы боялись, но не хотели бояться. Мы страдали, но не хотели страдать. Так или иначе, но, быть может, нам не столько требовалась некая эфемерная власть вкупе с гордостью за содеянное, в чём нас обвинили, сколько банальное избавление от этого архаичного страха — страха перед вечностью? Ведь однажды каждому из нас суждено причаститься этому. Никто не останется в стороне. Никто.

Увы, вавилонская башня так и не была построена. Мы потерпели крах, остались наедине со своими страхами. И всяк теперь борется с ними по-разному, возводит свой личный, минимизированный вариант вавилонской башни. Кто-то находит избавление в искусстве, науке, философии. Другие — в своих детях. Третьи — в работе, в жизни, сутью которой является вызов этому страху. Четвёртые — в любви...

В любви?

Я помню, как тяжело поднимался по лестнице дед, помню, как он опирался на свою трость, изредка поглядывая на нас с Володей.

— А как там Любовь Александровна? — поинтересовался дед, нашаривая в карманах ключи от квартиры. — Чего не заехала?

Мы испуганно переглянулись.

— Не очень всё хорошо, — протянул Володя.

— Что такое? — Дед скосился на него, что-то прочёл в его глазах и неодобрительно покачал

головой. — Опять хулиганит, да? Ох, беда с нашей бабушкой, беда-беда. Всё-то ей неймётся, не живётся спокойно...

Абсурдность ситуации удручала. Ещё и потому, что я невольно восстановил в памяти тот случай, когда однажды бабушка усадила меня в машину и повезла в военную академию, где я тогда учился. Бабушка была подшофе — и это ещё мягко сказано, — но вот рефлекс у неё работали на отлично — пережиток её лихой молодости, когда она брала первые места на мотогонках. И так на старой, пугающе дребезжащей «четвёрке» мы неслись по центральному улицам города, подрезали впереди идущих, проскакивали на красный свет, и в довершение ко всему бабушка ещё умудрилась махнуть рукой побледневшему гаишнику, проведившему нас растерянным взглядом. «Знакомый мой», — радостно сообщила она. Теперь это веселит, но тогда я лишь равнодушно кивнул в ответ — подобное для меня было не в диковинку, а знакомых у бабушки взаправду имелось предостаточно. Долгое время прожив с ней под одной крышей, выросший на её наваристых супах и в окружении её разношёрстных друзей, я знал и принимал как данность всю её непохожесть на «классических» бабушек; принимал её сумбурность, её эмоциональность, её бурлящую жажду жизни — всё успеть, всё попробовать, всего достичь. Этот бьющий через край огонь подчинял, захватывал, а нередко и отталкивал заранее неподготовленных. Но бабушке до них не было никакого дела. Так или иначе, но запоминалась она всем. А ещё, как я теперь понимаю, этот огонь был не чем иным, как вызовом неизбежности, рано или поздно должной произойти, — так решила для себя бабушка, так она и жила.

Нервно сглотнув, я шагнул к деду в квартиру. Володя следовал за мной.

— Ведь только ж вчера виделись, — с ленцой в голосе ворчал дед, — и всё хорошо было. С чего бы это вдруг она сюрпризы устраивает? Дела, дела...

Увы, такого «сюрприза» никто не ожидал — ни я, сидя с Аней на затасканном диване и обсуждая какую-то бессмыслицу, ни звонившая мне чуть позже мама, ни мирно спящий после

долгой командировки Володя, ни тем более дед. А потом была бессонная ночь, стопки коньяка, следующие одна за другой, грустная музыка на телефоне — неоклассика, эмбиент, минимализм, что-то там ещё — и нескончаемые разговоры, разговоры, разговоры... От приторно-сочувственных взглядов тошнило.

Но всё это было сущей ерундой по сравнению с тем тотальным чувством безразличия, которое холодным туманом обволакивало мою душу. Я смотрел на сестру, укрывшуюся одеялом и уставившуюся в телевизор, — её лицо ничего не выражало. «Дэнь, ты там как?» — осторожно поинтересовался я. Она равнодушно глянула на меня, пожала плечами: «Нормально». От этого стало жутко, потому что в её глазах я увидел всё тот же холодный туман, узнал его и спохватился — может, с нами что-то не так? почему мы не испытываем того же, что чувствует мама? почему?!

То и дело порицая неугомонную бабушку, дед поставил на плиту чайник, достал из холодильника колбасу и сыр, откуда-то с полки вынул хлеб и упаковку пряников. Дед был доволен, что мы его навестили, но ловко скрывал это. Мы же с Володей не находили себе места, тоскливо посматривали на бутылку первого класса самогона в углу и думали, как поступить дальше.

А потом так оно случилось, что зазвонил домофон. Дед раздраженно махнул рукой:

— Кому надо, те мой номер знают. А это наверняка очередную рекламу припёрли. — Он выглянул в окно, и на лице его засияла улыбка. — Ан нет, не прав я. Это ж Любовь Александровна пожаловала!

Я поперхнулся.

— Да-да, она самая, — сказал дед. — Вон машинка ваша стоит.

Но он ошибся — то была мама, не высидевшая дома в окружении угрюмых стен и решившая нам помочь. Встретив её на пороге, дед был слегка разочарован. Пропустив маму в квартиру, он взглядом поискал в подъезде бабушку, тяжело вздохнул и притворил дверь. До самого конца он не понимал, с чего это вдруг мы все разом нагрянули к нему в гости, а мигом позже, уставившись куда-то в пол, с придыханием шептал:

— Чего?! Чего?! Как... Нет, я же... только вчера... вчера!

Но «вчера» от «сегодня» отделяла целая бесконечность — непоправимая, необратимая, равнодушно неумолимая. Бесконечность с горечью водки на языке и усталым взглядом куда-то в окно — поверх сонных крыш, на сгущающиеся сумерки и порхающие по воздуху снежинки. И мне было страшно, мне было больно смотреть на деда — потому что, в отличие от минувшей ночи, в этот раз я все чувствовал и понимал. Я понимал этого растерявшего все волосы, согбенного морщинистого старика с его подрагивающими в безмолвном плаче плечами и полными неизгладимой печали глазами; понимал его «чего?!», его «как же так?!» — и завидовал ему.

Да-да, именно что завидовал, ведь в его глазах, в его словах, даже в его молчании — громкогласном средь голосов и всхлипов — я видел любовь. Чувство, пронесённое сквозь годы, полные терпеливого принятия столь яркой женщины, которую избрало его сердце, — принятия её неугомонности, её бескомпромиссности, её неиссякаемой энергии, а вместе с тем и определённой преданности, своеобразной любви и даже благодарности. Я хотел обладать таким же терпением, хотел ощущать такую же любовь — не важно к кому: к Ане ли, что ждала и всячески утешала меня, не видя моего равнодушия, находя в моей отрешённости некую замкнутость человека, столкнувшегося с дыханием вечности, или же к Даше с её взбалмошностью, неверностью, её нелепым стремлением сохранить пусть плохой, но таки мир в наших противоречивых отношениях, а ещё с её замшелым сочувствием и трогательными попытками как-то поддержать меня, успокоить. А может, к Насте или к Свете, к Наде или к Марине, а то и ещё к кому-нибудь — всех и не упомнишь... Но больше всего я жаждал испытать настоящую любовь внука к своей бабушке — такую, что испытывал в детстве, когда однажды ночью тихо плакал, гадая, что же с нами станет и как быть дальше, если бабушка вдруг умрёт.

Детство прошло, и того, кем я стал, больше не посещали подобного рода мысли. Я знал, что однажды это случится, и мне было всё рав-

но. До тех пор, пока, находясь в гостях у деда, я не пожелал, чтобы мне вновь стало больно — не от зависти к деду, а из-за того, что произошло. Я чувствовал себя монстром, и нечто подобное обнаруживал в сестре. И мне было стыдно за это — перед бабушкой, перед мамой, перед всем миром, который рвался соболезновать нам, не понимая, что некоторым из нас соболезнования вовсе и не требуются, ведь нет никакой боли, только спокойное принятие случившегося.

Так мне вспоминался вечер накануне, когда бабушка всячески пыталась завязать со мной разговор. Я же, хмуро уткнувшись в монитор, размышлял, какой бы дурацкий фильм посмотреть, и отмахивался от неё, словно от назойливой мухи — односложно отвечал, грубо молчал, взглядом указывал на дверь. И лишь позже я понял, что тем вечером бабушка совершенно не раздражалась, как оно частенько бывало, если она видела, что кому-то надоедает. Нет, напротив, она сдерживала свой взрывной характер, была мягкая, ласковая — моя бабушка — и ни на что не сердилась. Быть может, тем самым она пыталась что-то донести до меня? Быть может, предчувствуя неизбежное, она всеми силами подбирала слова, думала, гадала, но так ничего и не придумала? А я так её и не услышал. Отказался воспользоваться своей интуицией и распознать тот намёк, что дала мне вселенная...

Теперь уже ничего не исправить.

И если вернуться к библейским легендам, полагаю, что именно в этом и заключалась суть вавилонского столпотворения — то было не смешение языков, но душ, поколений. Рвущиеся преступить за порог вечности люди не столько перестали понимать речи друг друга, сколько разучились слушать и слышать. Тем самым они обрекли себя на тотальное одиночество — на ночь за окном и тусклые звёзды в небесах, выцветшие, а то и засвеченные фотографии и никому не нужные тосты, на воспоминания сроком в несколько лет и душевную боль, что неумолимо притупляется, пока не проходит вовсе. А ещё на тревожные сновидения, эти непонятные нам, берущие своё начало в далёком прошлом мечты — грёзы о недостроенной башне и том таин-

ственном месте, куда она могла привести; грёзы, обернувшиеся проклятием. И, конечно же, — на забвение...

Так все мы сделались жителями окраин древнего Вавилона — разросшегося и вобравшего в себя целый мир. И вот, глухонемые ко всему, мы стоим ныне в темноте...

3 На обочине

И нервно курим. Выдохнув в морозный воздух колючку сизого дыма, Ян провожает взглядом несущийся по трассе одинокий автомобиль — ещё один отблеск, вынырнувший из тьмы и через мгновение во тьме сгинувший. Нас же продолжает заметать снегом.

Отворяется дверь кафе, и выходит Володя.

— Ну что, как там радиатор? — интересуется он.

— Да к нему хрена лысого подберёшься! — выбросив окурок, разводит руками Ян. — Не знаю я, что с ним делать.

— Ну айда, поглядим что к чему...

И пока они возятся с фургоном, я, застыв в изменчивом круге света, зачарованно рассматриваю расстилающийся передо мной монохромный пейзаж — тьма, лес, полоса дороги из ниоткуда в никуда. На обочине вечности — вот где мы оказались. Все мы.

И лишь теперь на меня накатывает волна какой-то непонятной тоски — глухой и свербящей, ноющей, лишающей меня спокойствия, подавляющей все мои мысли. Ведь то, что было вчера, позавчера и в прошлом году... — всего этого уже не вернуть. Никогда! Вмиг перед глазами проносится вся моя жизнь с бабушкой. Я буквально слышу те песни, что мы с ней пели, когда ехали к деду в деревню, и ощущаю несказанную радость от её многочисленных подарков — она всегда меня баловала. Я смеюсь, зараженный её громогласным хохотом, её обезоруживающей улыбкой, и облизываюсь при одной только мысли о тех супах, которыми она меня закармливала и которые я глотал с нескрываемым удовольствием, толстая и толстая — так, что мама даже пришла в ужас, когда встретила меня после лета в деревне. Я восхищаюсь бабушкиным лихачеством и сме-

лостью, её вызовом трусости и жалкому прозябанию, и вспоминаю наши с ней поездки на моря, как и своеобразные «путешествия» по многочисленным столовым, директором которых она являлась. И много-много чего ещё вспоминаю. А в кульминации этого калейдоскопа я словно погружаюсь в картины той жуткой ночи — окутанная давящей тишиной комната и торчащая из-под простыни синеватая рука, толпящиеся в коридоре незнакомые мужчины с носилками и слёзы матери, а ещё её вопрос-выкрик, неестественно пафосный, но от того не менее трагичный: видел ли я маску смерти? Да, мама, я всё видел. В том числе и эту гротескную маску, которая никак не могла являться моей бабушкой.

И чуть позже мы сидели на кухне, пили коньяк. Я курил, а мама плакала, плакала, плакала, при этом неустанно потирая ладони, как будто смывая с них аллегорическую кровь. «На тебе нет вины», — хотелось закричать мне, но я знал, что она меня не услышит, не поймёт. Может быть, позже...

— Деду надо сообщить, — спохватилась мама, растирая слёзы по покрасневшим щекам. — Но не по телефону. Он старый, наш дед. Я боюсь, а вдруг... а вдруг он...

— Хорошо. Завтра утром поеду к нему.

— И Вове позвони.

— Всё сделаю.

Трясущейся рукой мама подносила к губам рюмку, смотрела в стылую тьму за окном.

— Я не могу её хоронить, Жень. Не могу... опустить в гроб и закопать в ледяную землю... словно хомяка какого-то...

— Мам...

— Нет, не могу!

Не придумав ничего лучше, я согласно кивал — даже тогда, когда мама приняла окончательное решение. Мы вместе его приняли.

— Вы тоже должны поехать, — обратилась она к нам с Володей. — Ты её внук, а ты — племянник. Она любила вас. Вы мужчины, вы обязаны проводить её в этот путь... У нас в городе такого не делают, так что ехать придётся в Москву... Так вы поедете с ней?

— Обязательно, — произнёс Володя. — Обязательно поедем.

И вот какой мне запомнится эта ночь, эта

полная скрытых символов картина последнего бабушкиного пути. Всё есть сонм беспорядочных видений и рваных образов; сюрреалистический пейзаж, сотканный из вьюги и мрака. Он разворачивается передо мной в виде запорошенной снегом трассы, в окружении безмолвных и безучастных ко всему деревьев, и вибрирующих на ветру линий высоковольтных передач, и редких встречных автомобилей, и бутылки финской водки на соседнем сиденье, и сонного бормотания водителя похоронного сервиса Яна, а ещё — сентиментальных баек Володи. И, естественно, в виде обочины у самой кромки леса с приютившейся здесь таинственной забегаловкой, претенциозное название которой звучит не иначе как «Вечность».

Вечность...

А может, то было и не наказание вовсе? Может, эта потрясающая воображение сила, названная Господом Богом, лишь попыталась избавить нас от того ужаса, в коем пребывала сама, — ужаса бессмертия? Смешав наши языки, души, она обратила наше внимание на нас самих — сколь бесчувственными бы мы стали друг к другу, имей в запасе целую вечность? Разница поколений, возрастов, накопленной мудрости... — и всё это в совокупности со знанием, что никто не уйдёт, не исчезнет, некого будет оплакивать, что можно плюнуть на всех и вся и ни в чём не раскаиваться. Может, го-

речь смерти — это единственное, что удерживает нас от полного равнодушия? Псалмы и тосты, слёзы и болезненные воспоминания. А ещё имена, выведенные на камне или на дереве, или на керамике урны, и годы жизни; бесчисленные надписи, где среди прочих можно отыскать и такую:

**«Нечаева Любовь Александровна
1938–2013»**

Увы, мне неизвестны ответы на все эти вопросы, а посему я достаю зажигалку и чиркаю колесиком. Стою так какое-то время, держа в руке этот трепещущий на ветру огонёк. И позже, забравшись в фургон, молча направляюсь дальше — сквозь ночь и зиму еду кремировать мою бабушку...

□

Евгений ДОЛМАТОВИЧ

родился в 1986 году в Ярославле,

но большую часть детства провел на Дальнем Востоке.

В 2008 году окончил Ярославскую

военную финансово-экономическую академию.

Пишет прозу.

Автор сборника рассказов «Калейдоскоп» (2016).

Публиковался в журналах «Север», «Парус»,

«Уральский следопыт», «Ното Legens», «Урал» и др.,

в сборниках, на интернет-ресурсах.

Лауреат конкурса «Северная звезда» (2019) в номинации «Проза».

Живёт и работает в Ярославле.

